

УДК 111.3

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ Г.В. ЛЕЙБНИЦА

А.С. Журавлева

В статье рассматривается история и функционирование универсальной характеристики в рамках монадологии Г.В. Лейбница. Показывается принципиальная необходимость именно такого рассмотрения этого искусства, без чего его сущность останется неясной.

Ключевые слова: универсальная характеристика; монадология; истина факта; истина разума; искусственный язык; всеобщая наука.

Тема универсальной характеристики в творчестве Г.В. Лейбница в последнее время все больше привлекает к себе внимание исследователей. Закономерно возникает вопрос о причинах столь повышенного внимания к ней. В чем же заключается проблематичность и неоднозначность этого искусства в рамках метафизического проекта Лейбница?

Прежде всего, это связано с тем, что сам Лейбниц рассматривал Характеристику одновременно и как способ исчисления понятий, и как всеобщий язык со своей собственной грамматикой. К тому же взгляды Лейбница на то, как она должна выглядеть, постоянно менялись, так что мы знаем, по крайней мере, три варианта универсальной характеристики.

Если же разделить всю совокупность исследований, в которых обсуждается это искусство, то можно выделить две группы. Соответственно, будут представлены и два способа понимания *characteristica universalis*.

Одни исследователи подразумевают под Характеристикой искусственный, логико-математический язык, созданный для очищения языка науки от двусмысленностей естественного языка. На этом основании ее укореняют в традиции прочих искусственных языков (от универсального языка Джона Уилкинса до языка программирования). Подобного представления придерживаются Г. Фреге, Дж. Буль, Э. Кассирер, У. Эко и др. Вообще же, можно ска-

зать, что это и есть самая распространенная точка зрения на Характеристику.

Правда, следует отметить, что подобная интерпретация сталкивается с некоторыми трудностями: для чисто логического языка Характеристика слишком онтологична и «метафизична» (в неопозитивистском смысле), поскольку опирается на ряд явных допущений, представленных в монадологии.

Во-вторых, *characteristica universalis* рассматривается в контексте традиций искусной памяти, пансофии, энциклопедизма и панметодизма, берущих начало из ренессансной магии и связанных с нею учений. В таком случае Характеристика понимается как «зеркало» мира, точно отражающее все взаимосвязи между вещами так, как они есть на самом деле. Здесь стоит отметить работы П. Росси и Ф. Йейтс.

При этом заметно, что Характеристика недостаточно «онтологична» и эзотерична для «зеркала» мира в духе Дж. Бруно или Дж. Камилло: в ней велика доля формализованных логических исследований, которые неясно, как интерпретировать в контексте магии.

Поэтому представляется обоснованным взглянуть на Характеристику на фоне всей совокупной метафизики Лейбница. По нашему предположению, поняв, какое отношение *characteristica universalis* имеет к монадологии и почему она в ней возникает в качестве необходимого составляющего, мы сможем понять, чем она является.

Определение универсальной характеристики

Хронологически, действительно, определить суть Характеристики довольно затруднительно, поэтому мы начнем свое рассмотрение с обсуждения целей ее построения.

В конце 60-х — начале 70-х гг. XVII в. Лейбниц подробно разрабатывает темы анализа и синтеза как методов искусства открытия, а также касается целей построения Характеристики и энциклопедии.

Лейбниц пишет, что «аналитика есть исследование, при котором мы рассекаем на части сам предмет с максимально возможной точностью, скрупулезно соблюдая и учитывая положение, связь, форму частей и частей в частях. Синтетика, или комбинаторика, состоит в том, что для объяснения вещи мы привлекаем другие, вне ее находящиеся вещи» [4, с. 395].

Конечно, для того, чтобы дело анализа и комбинаторного искусства пошло быстрее, нужно разработать тот самый философский язык, о котором у нас сейчас идет речь, добавив к нему «каталог историй, т.е. сообщений, наблюдений, опытов, наиболее важные теоремы (как, например, сокращенные вычисления), полученные из одних лишь знаков или путем наблюдений <...> Самым последним будет сочинение о счастье, т.е. о науке жить, где будет указано назначение остальных сочинений и названы проблемы, которые могут быть с их помощью сформулированы, расположенные не в тематическом порядке, а в зависимости от их результатов. Но поскольку какое-то счастье уже находится в нашей власти, книга эта, будучи заключительной, станет использоваться всеми прежде остальных. Называться она будет: Архитектонические науки о Мудрости и Счастье. В этой книге будет показано, что мы можем всегда быть счастливы и становиться все счастливее, и будут названы некие средства приумножения счастья, в чем и состоит назначение всех наук. Таким образом, это станет истинным учением о Методе не столько поиска истины, сколько самой жизни...» [4, с. 396].

Итак, мы убеждаемся в том, что для приобретения и упрочения нашего счастья сначала следует разработать философскую характеристику, присоединить к ней каталог знаний для упорядочения первотерминов, а затем на этой основе будет легко производить анализ, поскольку мы уже знаем, на что следует «раскладывать» то или иное явление.

Уже сейчас, до начала тщательного обсуждения Характеристики, следует отметить ее связи с анализом, синтезом и монадологией. Анализ сводит все предложения к тождественным, выявляет их основания точно так же, как первичная сила в монаде показывает закон ее изменений. Синтез, в свою очередь, расширяет границы науки, побуждает переходить к новым истинам, чему в действиях монады соответствует стремление.

Новое означает здесь еще нераскрытое, так как самого по себе нового быть не может, поскольку уже все сотворено, и Бог не будет добавлять новые элементы в мир, иначе это свидетельствовало бы о его несовершенстве, что абсурдно. Поэтому становится ясно, что Характеристика не показывает нам ничего нового, она лишь уточняет и проясняет.

Теперь, имея перед собой цель, а именно достижение мудрости, ведущей нас к счастью, и вооружившись анализом как мощным средством познания истины, можно приступить к построению универсальной характеристики.

На протяжении 40 лет мысль Лейбница относительно Характеристики постоянно изменялась. Мы не будем касаться здесь первого текста, в котором отчетливо разрабатывается идея Характеристики, а именно «Dissertatio de arte combinatoria» (1666). Перейдем сразу же к пяти работам, датированным 1679 г., в которых Лейбниц вплотную приступает к разработке Характеристики. Это такие работы, как «Элементы универсальной характеристики», «Элементы исчисления», «Элементы универсального исчисления», «Исследования универсального исчисления», «Правила, по которым можно с помощью чисел судить о правильности выводов, о формах и модусах категорических силлогизмов».

Эти работы раскрывают правила применения числовых характеров в категорических предложениях, понимаемых в качестве основы для всех остальных видов предложений, как то: модальных, гипотетических, дизъюнктивных и т. д.

Все предложения, могущие стать истинными, редуцируются Лейбницем к одному виду: «А есть В». По этой причине все предложения являются одновременно равенствами, что дает возможность перейти к построению из предложений формул.

Общая идея Характеристики, выраженная в этих работах, состоит в следующем. Если мы хотим узнать определение вещи, то нам следует перечислить по порядку все ее реквизиты, т.е. получить ее отчетливое понятие. Затем нужно обозначить субъект и все его предикаты характерами, специально подобранными числами. В итоге у нас получится равенство или неравенство, из чего мы узнаем, правильно ли мы разложили понятие (или выражаемую им вещь) на его элементы, или нет. Соответственно, если мы получили равенство, то у нас есть искомое нами определение. Так, если обозначить понятие «человек» — 6, понятие «разумное» — 3, понятие «животное» — 2, то определение «Человек есть разумное животное», записанное в качестве формулы $6 = 2 * 3$, очевидно верно.

Причем представляемые таким образом предложения не обязательно должны относиться к физике, химии или другим точным наукам. То же касается теологии и метафизики, которые исследуют Бога, условия счастливой жизни и прочие важные практические вопросы.

В работах 1680-х гг. Лейбниц продолжает построение универсальной характеристики для доказательства категорических предложений. Теперь же он считает, что доказательства лучше всего проводить, используя понятия «тождество» и «различие» применительно к взаимоотношениям терминов предложения. Одновременно Лейбниц пытается все больше строить логику на минимальном количестве аксиом в основании.

Одними из первых работ в этом направлении были «Опыт универсального исчисления»

(написан между 1679 и 1686 г.) и «Добавления к опыту универсального исчисления».

В этих работах активно используется принцип тождества, при котором «если что-либо может быть всюду подставлено вместо другого с сохранением истинности, то и это другое может быть в свою очередь всюду подставлено вместо первого с сохранением истинности» [5, с. 561]. На этой основе Лейбниц формулирует «принцип переименования»: если у нас есть то, что выводится из произвольно выбранных букв, то то же самое будет выводиться и при любых других буквах, заданных при тех же условиях. Следует заметить, что на этом же покоится метафизический закон непрерывности.

В «Общих исследованиях, касающихся анализа понятий и истин», самой крупной работе этого периода, Лейбниц строит универсальное исчисление, которое возможно применять одновременно и к терминам, и к предложениям.

В этой работе (правда, подобное мы встречали уже и в «Опыте универсального исчисления») Лейбниц постоянно совершает переходы из логики в онтологию, связывая их воедино, с тем чтобы иметь возможность построить универсальное исчисление, которое одновременно говорило бы о порядке мысли и о порядке вещей, соотносенных друг с другом посредством предустановленной гармонии.

Так, положительное определяется им как сущее, причем, конкретное, в действительности существующее, а отрицательное — как не-сущее. Условием истинности предложений, о которых говорит Характеристика, теперь выступает их непротиворечивость (а не просто аналитичность, как было еще в работах 1670-х гг.), т.е. в ходе анализа предложения А не должно получиться так, что оно одновременно содержит В и не-В.

Мы видим, что универсальная характеристика перестала говорить только об истинах разума, для которых верно, что предикат входит целиком в субъект, за счет чего и возможно разложение на первотермины; теперь она выходит и на уровень истин факта, т.е. того, что существует в действительности и описывает

конкретно сущее. Отсюда и появляется требование непротиворечивости предикатов.

Вариант универсального исчисления, представленный в этой работе, был предназначен для того, чтобы переводить предложения в термины и наоборот. Для этого Лейбниц вводит правило, по которому предложение АВ («Всякое А есть В») равно термину А (или В), и наоборот. Так, термин А, означающий «человек», может читаться как «Человек есть разумное животное», а предложение «Золото есть металл» может быть сведено к термину «золото». При этом сами первоначальные интегральные термины для удобства мы можем обозначить характеристическими числами. Подобная редукция облегчает процесс доказательства и вывода: теперь мы можем быстрее передвигаться по цепочке силлогизмов.

Однако некоторые предложения, касающиеся существования, невозможно свести к первотерминам, ведь это потребовало бы от нас бесконечного анализа (что является одним из свойств истин факта). Все существующее является возможным и становится действительным, если оно предпочтительнее других возможных сущих того же ряда. Отсюда ясно, что действительность есть возможность плюс еще что-то. Поэтому Лейбниц интересуется тем, как возможно свести гипотетические предложения к категорическим. Он считает, что если бы он решил эту проблему, то все задачи универсальной характеристики были бы разрешены и она стала бы поистине всеобщим инструментом познания и практической деятельности.

Возможный способ разрешения проблемы таков: необходимые предложения можно свести к определенным числам, а случайные предложения (т.е. гипотетические) можно свести к бесконечным числам, с которыми мы все-таки можем обращаться с помощью дифференциального исчисления. Конечно, контингентные истины подвластны Богу, он знает их причины и те термины, на которые они раскладываются, но это знание скрыто от нас, поэтому наше познание подобных предложений лишь вероятно. Тем не менее эту вероятность не следует отвергать по причине того, что она не дает точного

знания. Во-первых, можно выделить степени вероятности, вследствие которых суждение становится более или менее вероятным, а, во-вторых мы можем успешно действовать, имея даже вероятностное знание.

После 1690 г. были написаны еще две работы, очень важные для понимания истории универсальной характеристики, а именно «Не лишенный изящества опыт абстрактных доказательств» и «Опыт абстрактных доказательств». В них присутствуют все темы, уже затронутые в «Общих исследованиях, касающихся анализа понятий и истин», но здесь они образуют совершенно самостоятельное направление мысли. Если в «Общих исследованиях...» Лейбниц все еще говорит о модусах традиционной логики, но при этом вводит новые понятия «тождества» и «различия», с помощью которых пытается строить исчисление понятий, то в данных работах он практически не касается доказательств силлогизмов и предлагает совершенно новый способ разработки *characteristica universalis*.

Лейбниц здесь определяет основные отношения между терминами, как то: тождество, различие, совпадение, включение, составление, компенсация и т. д., и основные операции с терминами (прибавление, отнятие). На этой основе он вводит аксиомы, постулаты и характеристики. В основном, все они касаются отношений между содержащим и содержимым и между сообщающимися элементами. Это вариант универсальной характеристики также может прилагаться к классам предложений, отдельным предложениям и терминам. Причем не так важно, чтобы предложения имели прямое отношение друг к другу — главное, чтобы они все вместе составляли род.

В этих работах Лейбниц опять вспоминает искусство комбинаторики применительно к анализу предложений. Он показывает, как одно и то же предложение «может быть составлено многими способами, если те [термины], из которых оно составляется, будут сами составными. И далее, если они могут разлагаться до бесконечности, то и вариантов композиции будет бесконечно много» [6, с. 652]. При этом части могут вместе составлять целое, большее того

целого, частями которого они являются, что дает возможность большего числа комбинаций. Отсюда вытекает и великое разнообразие вариантов исчисления, потому что к разным комбинациям мы можем прилагать различные законы комбинирования. Лейбниц не использует повторение (термин AA для него является тем же самым, что и A) и не принимает в расчет порядок (т.е. АВ есть то же самое, что ВА), обосновывая это тем, что в реальности именно так и происходит: прибавление того же самого к чему-то не дает удвоения, а оставляет вещь в единственном числе (свойство «красное красное» суть то же самое, что просто «красное»), а изменение последовательности не изменяет саму вещь (то есть сказать «теплое и желтое» означает то же самое, что сказать «желтое и теплое»).

История универсальной характеристики заканчивается на двух этих работах, поскольку в «Новых опытах о человеческом разумении» Лейбниц практически не упоминает о своем проекте, хотя и рассуждает о словах, об их значениях, их видах и об опасностях, с ними связанных.

Рациональная грамматика

После важнейшей части общего проекта универсальной характеристики — *calculus ratiocinator* — следует представить вторую часть этого проекта, рациональную или философскую грамматику.

Действительно, Лейбниц планировал, что мы сможем не только анализировать понятия, но и разговаривать на его универсальном языке. Искусство исчисления понятий проясняет и уточняет смысл предложений, т.е. отвечает за семантику языка, а рациональная грамматика должна показать, как это делать, т.е. представить его синтаксис.

Разговорный язык должен соответствовать тому, о чем на нем говорят. В доступной форме в нем будет выражаться то, что стало очевидно в ходе разложения терминов. К тому же, как неоднократно Лейбниц пытался показать, на универсальном языке будет возможно не толь-

ко разговаривать, но и сочинять стихи и даже слагать музыкальные произведения [9, р. 296].

В 1678 г. Лейбниц приступил вплотную к разработке рациональной грамматики, основанной на грамматике естественных языков. Эта программа реализации включает в себя три этапа.

Во-первых, Лейбниц отмечает, что грамматики всех языков в той степени, в какой они подчиняются правилам и лишены аномалий, являются частями общей грамматики. Поэтому следует выделить ту часть латинской грамматики, которая будет универсальной, т.е. так или иначе присутствовать во всех языках, — эта часть и будет входить в рациональную грамматику. И именно по причине универсальности и близости к основам рациональная грамматика и подходит для выражения истин, полученных с помощью логического исчисления.

Затем для обнаружения философской грамматики следует элиминировать все аномалии. Причем не просто элиминировать, а заменить их на синонимы, лишённые аномалий, или на их определения. Очевидно, что подобный способ подстановки взят Лейбницем из его Характеристики, где мы можем подставлять вместо понятия или понятие, тождественное ему (по принципу тождества неразличимых), или его определение («А есть АВ»).

После того как мы устранили все аномалии в предложениях, мы можем перейти к определению слов и флексий. Для этого следует устранить все падежи, т.е. свести их к одному именительному. Позже Лейбниц редуцировал и именительные падежи к связке *Ens* (или *Res*) прилагательного, образованного от подразумеваемого нами существительного.

Как указывалось выше, существительное называет только то, что действительно существует. Реальным существованием обладают только монады, которые и являются истинными субъектами предложений. Связка «есть» традиционно означала акт атрибуции, т.е. приписывания определенному субъекту некоего состояния. В случае Лейбница характер связки несколько меняется. Для него важно, чтобы приписывание имело характер включения, т.е. что-

бы предикат реально содержался в субъекте и был совместим с остальными предикатами. Прилагательные, используемые вместо глаголов, показывают не постоянное состояние субъекта, а «непрерывный переход от одной мысли к другой» [1, с. 93], бесконечное разнообразие и изменение состояний, восприятий и действий, происходящих в субъекте, т.е. в монаде.

Тем не менее требуется еще один класс слов, выражающий взаимоотношения между существительными и глаголами. Этим классом являются служебные слова («частицы»): предлоги, союзы, наречия времени, места и вопросительные наречия. Этим частицам Лейбниц придает величайшую важность, считая, что именно они определяют структуру любого языка, его «форму», в противоположность всем остальным словам, являющимся «материей» языка.

Рациональная грамматика как часть всеобщей науки подчиняется принципу *minimax*: она опирается на минимальное количество оснований, но зато в ней имеется большое разнообразие в следствиях, так как рациональная грамматика описывает все существующее в его основе.

Третьим шагом построения рациональной грамматики является сам универсальный язык, объединяющий грамматику и истины, полученные в результате анализа.

Истины представляются Лейбницем в качестве слов, а энциклопедия, каталог истин, — в качестве словаря.

Проект энциклопедии

Энциклопедия представляет собой словарь, в котором истины располагаются по порядку и по темам. Порядок подразумевает под собой то, что все истины расположены по родам или видам, представляющим собой в данном случае классы вещей. «То, что определяет границы каждого класса, есть его сущность. Сущность познается либо по внутренней структуре, либо по внешним признакам, благодаря которым мы узнаем ее и называем каким-нибудь определен-

ным именем» [3, с. 307] и помещаем в соответствующий раздел в энциклопедии.

При этом нельзя забывать, что невозможно обнаружить последние логические виды, к тому же, два конкретных индивида одного и того же вида никогда не бывают совершенно схожи, что нужно учитывать при построении энциклопедии. Поэтому мы включаем в нее не абсолютно все подряд, пытаюсь охватить весь универсум и сделать энциклопедию его достоверным отражением, а только то, что подчиняется установленному порядку, т.е. то, в чем мы выделили сущность.

Взаимосвязанность истин означает то, что они расположены таким образом, что могут выводиться одна из другой, т.е. доказываться одна посредством другой с помощью всеобщей науки. Здесь Лейбницем применяется закон непрерывности: природа не допускает пустоты в принятом ею порядке, потому у нас есть возможность непрерывно переходить в энциклопедии от одного рода или вида к другому и обнаруживать взаимосвязи между ними.

Таким образом, энциклопедия упорядочивает наше знание; с ее помощью мы можем быстрее находить сходства, различия и аналогии между вещами, что убыстряет процесс мышления и увеличивает эффективность анализа. Эти навыки входят в искусство применения наших знаний на практике, что в совокупности с искусством суждения и искусством открытия позволяет нам достичь настоящей мудрости.

Самой важной функцией энциклопедии было определение новых, еще не исследованных областей знания. Именно энциклопедия дает направление для приложения средств искусства открытия.

Characteristica universalis и метафизический проект

Итак, мы описали эволюцию идеи Характеристики и примерно уяснили ее функционирование. Теперь же следует приступить к нашему главному вопросу: как соотносятся Характеристика и монадология? Поскольку, как пишет Лейбниц, цели науки являются подчиненными целям счастья и блаженства, доступных нам

только в Царстве Благодати. Поэтому и задачи Характеристики значат нечто большее, чем простое открытие истин. Но для начала следует вообще разобраться в том, какие бывают истины.

Как указывает Лейбниц, темно то понятие, которое недостаточно для отличия предмета от других. Напротив, ясное понятие — это то, которое показывает нам признак, по которому можно узнать предмет, «выделяя» его из общего смутного ряда, заставляя нас его заметить. Ясное и смутное понятие таково, что невозможно по отдельности перечислить признаки, достаточные для отличия предмета от другого. Ясное и отчетливое понятие, в свою очередь, то, в котором присутствуют все признаки, достаточные для отличия определенного предмета от другого. Подобное перечисление признаков и составляет номинальное определение вещи. Это означает, что все примечательное в предмете мы воспринимаем как привычное, регулярное. Адекватное отчетливое познание — то, в котором анализ реквизитов предмета доведен до конца, т.е. из предмета извлечена закономерность. Адекватное символическое познание предполагает, что понятие очень сложно, и поэтому мы не можем представить одновременно всех входящих в него реквизитов, но нам для целей дальнейшего познания это и не нужно. Интуитивное же познание, самое высшее, по данной классификации, возможно только для первичных, т.е. для простых понятий.

Все интуитивные предложения могут быть доказаны *argioi*. Это означает, что в случае интуиции разума становится очевидной тождественность субъекта и предиката, входящих в состав предложения, а в случае интуиции опыта — тождественность субъекта и объекта, описываемых суждением.

Так составляется реальное определение предмета, в котором нам непосредственно открывается его возможность. Именно этим и отличается реальное определение от номинального: если в первом показывается возможность или причина предмета, то во втором ничего о

причине не говорится, а происходит простое перечисление реквизитов.

Соответственно, для более успешного познания нам следует усердно искать реальные определения, в чем нам и должна помочь Характеристика. Именно она способна показать тождественность субъекта и предиката, редуцировав посредством эквивалентных подстановок терминов сложные предложения к самодостоверным суждениям.

Лейбниц выделяет два рода самодостоверных предложений: истины разума и истины факта. Истины разума подчиняются принципу тождества; истины факта — принципу достаточного основания.

Первые истины абстрактны, описывают возможное, но такое, противоречащее которому, в свою очередь, невозможно. Поэтому они являются вечными истинами, актуальными для всех возможных миров (именно потому, что сами не связаны ни с чем существующим). Свой источник, основание они находят в божественном разуме, откуда и проистекает их абсолютная необходимость. Эти истины, действительно, метафизичны: они обуславливают собой организацию любого сущего.

Истины разума можно сравнить с «соизмеримыми числами»: как в последних можно путем определенных операций обнаружить общую меру, так и метафизические истины можно путем анализа свести к тождественным высказываниям.

В свою очередь, истины факта похожи на «несоизмеримые числа», так как анализ и тех, и других, хоть и приближается к общей мере, но уходит в бесконечность и до конца может быть доступен только Богу, который априорно видит основания рядов. Несмотря на наличие у нас дифференциального исчисления, оперирующего с бесконечностями, мы не в состоянии познать все причины, поскольку последней причиной всех контингентных истин является божественная воля, недоступная человеческому пониманию.

Чем же объясняется эта особенность контингентных истин?

Они описывают конкретные вещи, т.е. имеют дело не только с сущностью (возможностью), но и с существованием (действительностью). Поэтому в них не может быть никакой необходимости, поскольку противоречащее им возможно.

Божественная воля, выбирая из однотипных рядов сущего наиболее совершенный, т.е. совместимый внутри себя, определяется в этом случае склонностью, предрасположенностью к наилучшему. Поэтому истины факта называются Лейбницем «истинами для нас»: они актуальны только в нашем мире и могли бы быть другими в отличных от нашего мирах. Вследствие того, что выбран наш мир, как заключающий в себе наибольшее количество сущности, то контингентные истины, несмотря на всю свою вероятность, должны приниматься нами в расчет. Не следует упускать их из рассмотрения, так как для нашей практической жизнедеятельности, опирающейся на принципы гражданского права, учение о бессмертии души и существовании Бога обладают чрезвычайным значением. Даже не зная того, как разрешить определенную проблему, мы можем судить о том, какая из двух противоположностей желательнее, исходя из данных, полученных посредством анализа.

Как мы видели, изначально Лейбниц применял свое универсальное исчисление только для анализа сложных необходимых истин, редуцируя их к первичным понятиям. Позже он задумался о способах определения вероятностей, и, оказалось, что *characteristica universalis* также замечательно может применяться к гипотетическим предложениям. Правда, как уже отмечалось, она не приводила предложение к полному тождеству, т.е. к полному включению предиката в субъект, но, по крайней мере, с ее помощью становилось возможным выделить общий для совокупности явлений ряд оснований.

Все истины описывают жизнь монады. Так мы подошли к ядру всей конструкции Лейбница. Здесь мы ограничимся лишь примерным описанием монадологии.

Монада является простой деятельной субстанцией, «истинным элементом природы». Простота монады свидетельствует о ее неделимости, т.е. о неучтожимости и несотворенности естественным образом. Монада лишь преформируется, разворачивая собственные части и складывая их по-новому.

Монада деятельна. Смысл активности монады состоит в способности изменения ее свойств и качеств, поэтому изменение непрерывно, оно продуцирует бесконечное количество состояний. При этом ни одно состояние монады не противоречит другому, поскольку все предикаты включаются в понятие субъекта на каком-либо основании, что не может предполагать никакого противоречия между ними. Бог при творении каждой индивидуальной субстанции рассмотрел *argiori* ее полное понятие и предопределил все ее состояния, вытекающие из ее основного закона деятельности. Мы же можем судить о настоящем и прошлом только на основании прошлого, т.е. *aposteriori*. Именно поэтому следует разрабатывать универсальную характеристику: для того чтобы иметь возможность получать полные понятия о предметах и на этой основе (т.е. так же, как и Бог, *априорно*) делать точные умозаключения об их будущих состояниях.

Деятельность монады состоит в восприятии и стремлении. Восприятие же представляет собой «внутреннее состояние монады, воспроизводящее внешние вещи» [2, с. 406]. В метафизике Лейбница этот принцип известен под названием «принцип тождества неразличимых». Он обосновывает «принцип индивидуации», гласящий, что не бывает двух совершенно одинаковых вещей. Воспроизведение носит характер аналогии: это не отражение, а выражение наподобие того, как геометрический рисунок выражает все свойства реального предмета. Поэтому все наши восприятия истинны, ведь видение Бога также истинно, а обманывают нас только наши суждения. Мы можем неправильно пользоваться словами, не уточняя каждый раз, что мы имеем в виду, приписывать субъекту не соответствующие ему предикаты и т. п.

Чтобы этого не происходило, следует пользоваться искусством Характеристики.

Восприятие никогда не является единственным, оно всегда связано со стремлением переходить от одного восприятия к другому, охватывая тем самым весь универсум.

Монада субстанциональна, поскольку она имеет свою собственную конституцию, т.е. закон ряда изменений, описываемый ее полным понятием, постольку она всегда индивидуальна. Монады должны быть различными, ведь каждая из них представляет собой определенную точку зрения на универсум, что обуславливает максимально возможное разнообразие мира. Эта определенность ведет к ограниченности монады, т.е. в дальнейшем к согласованности между всеми монадами, что возможно только благодаря предустановленной гармонии.

Монады отличаются друг от друга способом выражения одного и того же бесконечного содержания, т.е. степенью своей ограниченности. Это подразумевает не только различие в степени отчетливости восприятий, но и различие в «точках зрения» и в рядах изменений.

Отличая одни монады от других, Лейбниц выстраивает лестницу существ (или агрегатов монад): на нижнем ее конце находятся простейшие бестелесные и, вследствие этого, не совсем реальные монады; затем располагаются низшие организмы, наименее всего изученные и различимые только посредством микроскопа, растительные, животные, человеческие души; затем существа наподобие ангелов, о которых сказать ничего нельзя, потому что они недоступны познанию, и, наконец, Бог, как особая монада, из которой эмануруется мир.

Для нашего описания важен уровень духов, поскольку именно им присуща способность к апперцепции. Дух, как и всякая монада, нуждается в постоянном самоопределении. Определить — значит доказать, т.е. показать основание включения предиката в субъект. Это основание может быть неочевидно для нас, что свидетельствует об ограниченности монады. В этом случае душа, попавшая в определенную точку зрения, видит мир, не понимая его причин. Это признак ее несовершенства, несвобо-

ды и страдания. Очевидно, что должен быть инструмент, освобождающий ее от нечеткости представлений, показывающий отделенность одного признака от другого. Здесь важна именно инструментальность, подразумевающая всеобщность: каждый имеет возможность воспользоваться этим инструментом и перейти к более высокой ступени совершенства.

«Феноменологическое пятно», представляющее любой феномен, может исчезнуть и превратиться в четкий порядок истин со всеми присущими им взаимосвязями и переходами.

Смутность восприятий связана также и с влиянием естественного языка. Постоянный поток восприятий так или иначе фиксируется в обыденном языке. Но последний, вследствие своей природной метафоричности и произвольности, может что-то не замечать и упускать, оставляя некоторые состояния монады непроясненными. Искусственный же язык в виде *characteristica universalis* создан специально для внимательного вглядывания в восприятия, их фиксацию и анализ, что не позволит ничему потеряться. Он показывает, что каждое последующее восприятие обуславливается наличием предыдущих. Отсюда возникает естественная связь Характеристики и искусной памяти: они обе используют порядок для того, чтобы удерживать необходимое. Поэтому Характеристика является искусственной памятью монады.

Взаимосвязь естественного и искусственного языка выражается еще и в понятии предустановленной гармонии, поскольку монады, каждая из которых имеет свой собственный язык, фиксирующий ее состояния, не могут напрямую общаться друг с другом. При этом более поздний аналитический вариант представления о том, что, сколько существует языков, столько же и миров, Лейбница не устраивал вследствие того, что наилучший мир все равно существует только один. Поэтому должно быть что-то объединяющее все это разнообразие мировидений и, соответственно, языков. В метафизике в качестве такого условия единства выступает предустановленная гармония, а в логике — универсальная характеристика. Действительно, Характеристика представляет собой аналог в

человеческом мышлении предустановленной гармонии.

И, наконец, следует поговорить о цели создания Характеристики — о счастье.

Лейбниц подчеркивает, что Бога не следует рассматривать исключительно как устроителя «машины универсума», так как он в то же время является Монархом «божественного Государства Духов». В силу этого мир природы полностью согласуется с миром благодати. Поскольку Бог сам является Духом, он смог выбрать наилучший мир для творения. И в этом мире он установил гармонию между механическими законами природы и моральным поведением духов, так что сам механический порядок природы воздаст за грехи и добродетельные поступки.

Духи, обладая памятью и сознанием, могут подниматься до познания истин о Боге и вследствие этого выражать больше Бога, чем мир, умножая его славу. Причем, чем больше дух славит Бога, тем более совершенным, т.е. добродетельным, он становится. Это приводит к тому, что Бог входит в общение с духом, начинает делиться с ним своими желаниями и чувствами. Поэтому Лейбниц и говорит, что Бог управляет духами как законодатель или отец, ведь он создал их по своему образу и подобию и предназначил к тому, чтобы они всегда были гражданами его государства, а также достигали в нем блаженства.

В очередной раз мы понимаем необходимость Характеристики. Она представляет собой средство общения с Богом: чем больше мы узнаем истин о Боге, тем больше он нам сам открывается.

Мы видели, что наши предложения и предустановленная гармония выполняют одну и ту же функцию: они связывают. Поэтому предустановленная гармония продуцирует «высказывания» Бога о мире, а универсальная характеристика дает нам средство увидеть это высказывание и говорить на этом основании о мире так же, как о нем говорит Бог. Правда, здесь существует отличие, ведь высказывания Бога, по сути, представляют собой его творческие действия: как он говорит о мире, так все и про-

исходит на самом деле. Мы же не обладаем такой творческой мощью, а можем лишь открывать уже существующие истины, — в этом и состоит наше творчество.

Поэтому Лейбниц и протестовал против сведения его Характеристики к обычному универсальному языку: последний позволяет людям сообщаться друг с другом, его же изобретение открывает возможность творчества и, соответственно, показывает, в чем состоит подобие человека и Бога.

Бог заботится о том (и в этом состоит еще один смысл предустановленной гармонии), чтобы духи всегда оставались гражданами его государства, т.е. чтобы никакие изменения вещества не привели к потере нравственных качеств личности. Он управляет духами, склоняет их волю к определенным поступкам. Поэтому добродетель (или совершенство) состоит в том, чтобы следовать божественной воле, требующей от нас всегда избирать наиболее доброе, стремиться делать благое всем людям.

При этом процесс совершенствования никогда не заканчивается: наша радость состоит в непрерывном переходе к новым совершенствам. Мы никогда не узнаем в точности сущности Бога, поэтому нам приходится удовлетворяться вероятностным познанием его. Следовательно, нам нужно специальное искусство счета вероятностей, что и предоставляет нам универсальная характеристика.

Конечно, вероятностное познание не отменяет нашего морального долженствования: мы все равно должны вести себя добродетельно, для чего достаточно сознания возможности в загробной жизни как бесконечного счастья, так и бесконечного страдания. По этой причине нравственность, установленная на истинных основаниях, ведет исключительно к добродетели, а следовательно, и к счастью.

Таким образом, мы описали варианты осуществления *characteristica universalis* в рамках метафизического проекта Лейбница.

Как мы видели, Лейбниц предлагает много вариантов осуществления *characteristica universalis*. В итоге, он даже постулирует принципиальную многовариантность способов ис-

числения понятий. Подобное положение дел наталкивает практически всех исследователей на мысль, что Лейбницу, несмотря на все его декларации, не удалось все-таки построить универсальную характеристику. Отсюда происходят многочисленные попытки представить, как бы выглядела Характеристика на самом деле [7; 8].

В свою очередь, мы не ставили своей целью показать, как именно она выглядела в замысле Лейбница. Мы всего лишь надеялись, что если нам удастся показать ее в контексте его общего проекта, тогда в общем ходе истории философии мы сможем увидеть сходство этого изобретения Лейбница и других, современных нам идей. Ведь, по сути, мы живем в эпоху повсеместного осуществления частных ответвлений Характеристики. Психология Брентано, распространенный на весь универсум феноменологический проект Гуссерля, неопозитивистские проекты универсального языка науки, вылившиеся затем в проект изотипического языка Отто Нейрата, призванного быть языком межнационального общения, поисковые системы Интернета, Википедия, да и сам Интернет вообще и т. д. Все это, действительно, относится не к универсальным языкам как «зеркалам мира», а именно к универсальной характеристике Лейбница, которая, используя условные обозначения, имеет дело с порядком устройства сущего.

Поэтому мы не считаем, что универсальная характеристика не удалась Лейбницу: напротив, сейчас она зримо воплощается в совершенно разнообразных проектах. Все это позволяет нам увидеть проект Лейбница по-новому и понять его актуальность и для наших дней.

Список литературы

1. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: «Издательство Логос», 1997.
2. Лейбниц Г. В. Начала природы и благодати, основанные на разуме. Сочинения в четырех томах. М., «Мысль», 1982. Т. I.
3. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении. 1703-1704. Сочинения в 4-х т. М., «Мысль», 1983. Т. 2.
4. Лейбниц Г.- В. Об искусстве открытия. Сочинения в четырех томах. М., «Мысль», 1984. С. 395-399. Т. 3.
5. Лейбниц Г.- В. Опыт универсального исчисления. Сочинения в четырех томах. М., «Мысль», 1984. С. 560-564. Т. 3.
6. Лейбниц Г.-В. Опыт абстрактных доказательств. Сочинения в четырех томах. М., «Мысль», 1984. С. 641-659. Т. 3.
7. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., «Аспект Пресс», 2000.
8. Яковлев В. М. Предисловие. Идея универсальной характеристики // Лейбниц Г. В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: «ИФ РАН», 2005. С. 7-63.
9. Walker D. P. Leibniz and Language // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1972. Vol. 35, P. 296.

UNIVERSAL CHARACTERISTIC IN METAPHYSICAL PROJECT OF G.B. LEIBNIZ

Alexandra S. Zhuravleva

Saint-Petersburg State University; 153-57, Nevsky pr., Saint-Petersburg, 191167, Russia

This article discusses a history and functioning of universal characteristic in Leibnizian monadology. Such consideration of this project is shown to be necessary to understand the essence of this art.

Key words: universal characteristic; monadology; contingent truth; artificial language; necessary truth; scientia generalis.